

Поскольку соглашение между Францем и Луи было достигнуто, они продолжали свой обычный разговор, как будто ничего не произошло. Фактически, Франц уже безоговорочно признал благосклонность эрцгерцога Людовика.

Трудно было вернуть долг благодарности, но иногда было неплохо быть обремененным таким долгом.

Например, с этого момента Франц наладил отношения с этим консервативным лидером и считался его другом.

В противном случае, почему Франц специально просил об одолжении у эрцгерцога Людовика? Неужели у Франца, наследника престола, не было другого пути присоединиться к Дворцовой гвардии?

Очевидно, ответ будет отрицательным. Франц мог присоединиться с титулом или без него, потому что традиционно дворцовая гвардия служила только королевской семье, присягнув сначала императору, а затем наследному принцу.

«Дядя Луи, в последнее время все внутренне кажется не таким мирным!» - сказал Франц с притворным любопытством.

«Ну, это все из-за нашего премьер-министра, который каждый день требует реформ. Теперь группа капиталистов превратилась в реформистов во имя патриотизма, хотя на самом деле они ищут выгоды.

Наш премьер-министр закрывает на это глаза, а он не спускает с нас глаз, как будто мы, дворяне, являемся раком в австрийском обществе!» - недовольно сказал Луи.

Премьер-министр Меттерних не контролировал класс капиталистов? Так для чего он создал тайную полицию? Конечно, это было не для знати.

Премьер-министр Меттерних, представитель дворянства, большую часть времени был защитником благородных интересов, за исключением случая отмены крепостного права!

Франц держал эти мысли при себе. Человек, с которым он разговаривал, был консервативным австрийским лидером. Высказывание своих мыслей вслух привлекло бы негативное внимание.

«Дядя Луи, поскольку капиталисты могут делать все, что хотят, во имя патриотизма, мы можем делать то же самое во имя реформ!» Франц улыбнулся.

Не зная почему, Францу было интересно убеждать людей после своей Реинкарнации.

«О, Франц, ты шутишь?» - удивленно спросил эрцгерцог Луи.

Для знатного человека было действительно нонсенс держать знамя реформы. Реформирование дворянства было равносильно разрезанию собственной плоти ножом. Как это могло случиться?

Франц сказал: «Нет, дядя Луи, я не шучу! Если капиталисты могут предложить план реформ, почему мы, дворянство, не могли сделать то же самое?»

По общему мнению, Австрийская империя должна провести реформу, но такая реформа нанесет вред благородным интересам, поэтому консерваторы выступили против нее. Эрцгерцог Луи глубоко задумался.

Предложение Франца, по его мнению, заключалось в том, чтобы взять на себя инициативу, чтобы держать право реформ в своих руках.

Он не сомневался, что у Франца могли быть злые намерения, потому что класс капиталистов был также врагом королевской семьи, и проводимая ими реформа сначала лишила императора его прав.

Это были как раз умеренные среди капиталистов, в то время как радикалы хотели республиканизма. Оглядываясь на историю Карла I и Людовика XVI(16), можно сказать, что ни один император не мог хорошо относиться к классу капиталистов.

Наследный принц Франц, естественно, не стал исключением; позиция определила его мнение. Когда Франц разговаривал с ним, он снова и снова использовал «мы», просто из-за своего положения. Королевская семья и знать, естественно, встали на одну сторону.

«Франц, кажется, ты что-то задумал, тогда каков твой план? Можешь уточнить детали?» - обеспокоенно спросил эрцгерцог Луи.

Теперь он не осмеливался смотреть свысока на Франца, который, судя по их разговорам, знал, что хорошо разбирался в политике.

«Дядя Луи, вы заметили, что класс капиталистов требует освобождения крепостных во имя свободы и равенства?» - спросил Франц.

«Конечно, все они ежедневно выкрикивают политические лозунги, не говоря уже о том, что они выдвинули целый букет неоправданных требований конституционной реформы, национальной автономии и так далее.

На самом деле, это просто для их же пользы. Они хотят отменить крепостное право только из-за нехватки рабочей силы на своих заводах. Если честно, они сборище вампиров.

Вы знаете, подавляющее большинство рабочих живет более несчастной жизнью, чем крепостные. Мы по крайней мере обеспечиваем крепостных едой, одеждой и кровом и поддерживаем их, когда они состарятся.

Но злые капиталисты не такие добрые, как мы. Люди, которые у них работают, редко могут прожить более десяти лет. Когда они состарятся, они будут изгнаны и оставлены гнить.

Они всю жизнь много работали на капиталистов, но в итоге оказались на улице. Да накажет Бог этих вампиров!» Луи взбесился.

Францу пришлось признать, что эрцгерцог Луи частично говорил правду. Капитализм той эпохи был поистине мрачным, и то, что рабочие жили не лучше крепостных, было действительно точной оценкой.

Истину также можно было предположить по продолжительности жизни, поскольку продолжительность жизни в городах была на три-пять лет меньше, чем в сельской местности. Таким образом, вы можете представить себе жестокость капитализма в то время.

Обычные рабочие, которые были наняты на фабрики, увидели бы себя уничтоженными в течение десяти лет, а это означало, что большинство из них доживут до сорока лет.

Однако большинство дворян были такими же грязными, как и капиталисты, поэтому обе

стороны были вампирами, и ни одна из них не была добрее другой.

«Дядя Луи, я знаю все эти факты. Теперь, когда капиталисты могут призывать к отмене крепостного права под видом борьбы за права крепостных, почему мы не можем ограничить развитие и рост капитализма во имя защиты благосостояния рабочего класса? » - сказал Франц с хитрой холодной улыбкой.

Франц вел двойную игру, когда говорил с разными людьми.

Теперь он выставил лицо феодальной аристократии, полное праведности и ненависти к капиталистам.

«На благо рабочего класса? Боюсь, что так не пойдет. Это также нанесет вред интересам многих дворян, если обращение с рабочими улучшится, поскольку у них есть мастерские»- сказал эрцгерцог Луи слишком осторожным и нерешительным тоном.

Глядя на лицо эрцгерцога, Франц знал, что то, что он читал в учебниках по истории, не было неправильным - этот человек действительно был нерешителен, но от этого ему легче было повлиять.

«Маленькая прибыль - ничто по сравнению со славой дворянства. Если на капиталистов не наложено никаких ограничений, боюсь, им не понадобится много времени, чтобы одолеть нас!

Дядя Луи, разве вы не заметили, что власть капиталистического класса все это время росла? В конце концов, мы не сможем их удержать!»- подтолкнул Франц.

В тот момент речь Франца имела смысл, потому что дворянство еще не начало превращаться в класс капиталистов. Однако, даже если некоторые из них инвестировали в промышленность и торговлю, никто из них лично не управлял.

В настоящий момент было бы стыдно, если бы эти благородные лорды были на равных с капиталистами. Это было верно для обычных дворян, не говоря уже о таких великих дворянах, как эрцгерцог Людовик.

<http://tl.rulate.ru/book/57175/1461006>